

Борзунов Семен Михайлович

РАДИ НЕСКОЛЬКИХ СТРОЧЕК

Родился 23 февраля 1919 г. в селе Студеное Аннинского района Воронежской области в семье крестьянина-бедняка.

Отец, Михаил Ефимович, занимался земледелием, принимал участие в 1-й мировой войне, награжден Георгиевским крестом и медалью «За храбрость». В 1919 г. погиб под Воронежем в боях с деникинцами.

Отчим, Шерстняков Алексей Дмитриевич, участвовал в гражданской и Великой Отечественной войнах, погиб в 1942 г. под Касторным.

Мать, Анна Николаевна, большую часть своей жизни одна воспитывала семерых детей (двоих от первого и пятерых от второго брака).

Жена, Надежда Антоновна, участник войны, окончила Московский областной пединститут, работала преподавателем немецкого языка. Дочь Светлана — преподаватель английского языка. Внучка Анна окончила МГИМО, знает английский и немецкий языки. Бакалавр, юрист.

Ввиду крайней бедности родителей я смог окончить лишь семилетку, которая к тому же находилась в пяти километрах от родного села. До 1937 г. работал в колхозе, потом старшим пионервожатым в средней школе, а в конце того же года, как активный селькор, был

приглашен на должность литсотрудника в аннинскую районную газету «Коллективный труд».

Горячо взялся за творческое дело, работал с радостью и любовью. Вскоре обо мне появился большой очерк «От селькора до журналиста» в популярном столичном журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент». Тогда же впервые напечатался в «Правде». Работая в редакции, завершил среднее образование: окончил Аннинский областной политехпроветтехникум.

В 1939 г. перед уходом в армию некоторое время трудился в Воронежской областной газете «Коммуна», с которой не порываю связей на протяжении более 60 лет и на страницах которой печатаюсь и сейчас.

В феврале 1941 г. окончил Военно-политическое училище и, будучи офицером-танкистом, в первые же часы 22 июня встретил врага на западной границе в районе Перемышля. Был ранен, но придя в сознание, отказался от госпитализации и остался в боевом строю. Участвовал в качестве замполита командира роты в знаменитом штурме крепости Перемышль, когда немцы были вынуждены оставить город.

Потом в моей судьбе произошёл резкий поворот: я стал военным корреспондентом сначала дивизионной, затем армейской и фронтовой газет.

Принимал участие в обороне Льва и Киева, а также в первых наступательных боях под Ленинградом и Тихвином, на Дону и под Воронежем, на Курской дуге и в других местах. Вплоть до конца войны, т.е. до Берлина и Праги.

С РАЗВЕДЧИКАМИ ЧЕРЕЗ ДНЕПР

В судьбе каждого участника Великой Отечественной войны наверняка есть свои незабываемые дни и бои, которые дороги ему своей неповторимостью и сознанием личной причастности к ратным подвигам нашего народа. Таким памятным событием на моем жизненном пути стало участие вместе с разведчиками в форсировании Днепра в сентябре 1943 года.

Войну я встретил танкистом на западной границе под Перемышлем. В первые ее минуты был ранен. Позже стал корреспондентом сначала дивизионки, потом армейской «В бой за Родину» (4-я армия Волховского фронта), а с июня 42-г. — фронтовой газеты «За честь

родины» (Воронежский, с 20 октября 1943 г. — 1-й Украинский фронт). В этой роли дошел до Праги и Берлина.

Словом, знаю хорошо, почему был фунт лиха у фронтовиков, так как почти все четыре года находился в их шкуре. Попадал в разные переплеты: дрался на границе, выходил из большого и малых окружений, пережил неисчислимое количество артобстрелов и бомбежек, участвовал в танковых и воздушных рейдах, действовал в горах и болотах, форсировал свои и чужие реки. Вот они-то, реки, больше всего запомнились. Занозой врезались в мое сердце.

И все потому, что рос я в глухой, безводной, степи и плавать не научился. А тут сам Днепр встал на пути. Грозный и почти километровой ширины. Было это 22 сентября 43-го года. Но расскажу все по порядку.

В редакции я, именуемый разъездным спецкором, бывал редко. А на этот раз, узнав, что она уже передислоцировалась ближе к фронту, решил сам привезти срочный очерк о сержанте Тимошкине, который, что называется на моих глазах (я был в это время на огневой позиции), в критическую минуту боя вызвал огонь батареи на себя и героически погиб. Прямо с порога докладываю уткнувшемуся в бумаги редактору Льву Троскунову: привез такие-то материалы, собираюсь написать в первую очередь то-то и то-то...

— Об этом потом, — полковник поднял голову, доброжелательно глянул на меня усталыми глазами. — Есть более важное дело... — Он молча осмотрел меня с головы до ног и твердо сказал: «Отправляйтесь в третью танковую армию генерала Рыбалко. Его подразделения вырвались далеко вперед, в районе Переяслава-Хмельницкого достигли берегов Днепра и вот-вот начнут переправу. Их задача — с ходу захватить плацдарм на правом берегу и удерживать его до подхода основных сил».

— Форсировать Днепр? — не удержался я от радостного восклицания

— А что? — постукивая карандашом по столу, переспросил редактор.

— Отлично! Тем более, что германские стратеги считают Днепр неприступным рубежом. Одно беспокоит: готовы ли мы к тому, чтобы перескочить его?

— Как ты думаешь, что сказал бы на это твой сержант Тимошкин? — прищурившись спросил редактор.

Я кивнул утвердительно и на вопрос, готов ли ехать, ответил как солдат, получивший боевой приказ:

— Готов, товарищ полковник!

— Посидите, — редактор показал на широкую скамью, протянувшуюся вдоль стены, от порога до переднего угла хаты. — Сейчас придет машина.

За окном сырой, знобящей сентябрьской ночи льет дождь. Грустные мысли, связанные с непогодой, невольно зарождаются в голове, но я гоню их прочь. Все это мелочи. Завтра дождь перестанет, засветит солнце, все вокруг оживет — ведь только-только минуло бабье лето.

Как всегда, когда ждешь чего-то значительного, необычного, мысли стремительно переключаются с одного на другое. Останавливаюсь на том, что еще свежо в памяти, что надолго, навсегда останется в моем сознании. Думаю о горячих днях минувшего лета, заполненного боями на Курской дуге, где я как собкор газеты неотлучно провел все 6 месяцев. Эти дни изрядно выбелили солдатские гимнастерки, пропитали их потом и солью. Сколько ж нами пройдено за третье военное лето?

Вскоре послышался шум мотора. Заскрипели тормоза автомобиля. В редакторскую хату вошел начальник Политического управления фронта генерал-майор Сергей Севельевич Шатилов, молодой, смуглолицый мужчина, очень подвижный, решительный. Мне не раз приходилось видеть его в боевой обстановке, получать от него задания, и я всегда относился к нему, как, впрочем, и все другие, с чувством большого уважения. Примерно год назад он подписал мое фронтовое корреспондентское удостоверение. И теперь судьба снова свела меня с этим человеком: он уезжал в войска, которым предстояло форсировать Днепр.

Генерал Шатилов энергично поздоровался с редактором и, дожидаясь рапорта, спросил:

— Кто едет?

Редактор назвал мою фамилию. Сергей Савельевич быстро повернулся, протянул руку и, широко улыбаясь, добродушно проговорил:

— Мы, кажется, знакомы!

И тут же задал несколько вопросов: хорошо ли себя чувствую, знаю ли задачу, имею ли нужную карту, приходилось ли раньше переправляться через широкие и быстроводные реки, как думаю доставлять материал в редакцию.

Моими ответами остался доволен.

— Пятнадцать минут на сборы хватит? А я пока потолкую с редактором.

Через пятнадцать минут «виллис» мчал нас, разрезая ночную темень, через рытвины и ухабы, на запад, к Днепру. По изрытым траншеями и окопами полям Украины спешили на запад танковые колонны. За ними неотступно тащились клубы густого дыма и пыли, насыщенные парами бензина и масел. Вслед за танками и самоходными орудиями двигались связисты, артиллеристы, саперы-мостовики, понтонеры, гвардейцы-минометчики, матушка-пехота. Люди шли в серых шинелях с зелеными полевыми погонями на плечах, каких на Украине еще не видели. Шли солдаты, перенесшие горе и разлуку с родными, выдавшие пожарища и смерть.

Кажется, я задремал и не заметил, когда мы въехали в зону «выжженной земли». Во многих селах от хат остались одни дымари, а на месте садов чернели обгорелые пни. Руины и пепел звали к отпущению.

Генерал Шатилов сидел мрачный и злой. Таким я его видел впервые.

— Смотри и запоминай, корреспондент, — повернулся он ко мне. — И записывай, записывай. Об этом надо рассказать всем! Фашисты идут на любые преступления, лишь бы остановить наступающие советские войска. Что им страдания наших людей, наши города и села!? Что им кровь безвинных детей?

Генерал рассказал, что в зоне двадцати-тридцати километров перед Днепром немцы разрушили, уничтожили или вывезли в Германию все, что понравилось и что могло бы помочь нашим войскам при форсировании Днепра.

В одном месте, где дорога близко подходила к Днепру, нас обстреляли из миномета с высокого правого берега. Место это, видно, было заранее пристреляно, потому что мины ложились точно на дороге, и только ловкость водителя отвела от нас беду.

На командном пункте 3-й гвардейской танковой армии, который находился в лесу юго-западнее Переяслава-Хмельницкого, я пересел в броневик и вместе с офицером-направленцем добрался до штаба 51-й бригады. Ее командир, черноволосый, строгий с виду украинец подполковник Новохатько, порекомендовал мне действовать с ротой автоматчиков гвардии лейтенанта Синашкина. В ее расположении мы со связным пробирались лесом. Кругом стояла настороженная тишина, воздух был чист и свеж.

В роту прибыли поздним вечером. Бойцы укрепляли отведенный им участок недалеко от берега. Они были радостно взволнованы, горячо

обнимали друг друга. Закончив работу, бежали к Днепру, черпали касками и пили днепровскую воду.

Здесь, в этом районе, Днепр круто поворачивал на восток, образуя своего рода петлю. Ширина его доходила до восьмисот и более метров. Левый берег был пологим, песчаным, местами покрытый кустарником и травостоем. Правый же — крутой и обрывистый. Там, на противоположном берегу, засел враг. Хорошо вооруженный, богато оснащенный техникой, глубоко зарылся в землю, установил проволочные заграждения и минные поля. Господствуя над нашими позициями, противник затруднял передвижение и подходы советских войск к реке. Видя нас на многие километры, как на ладони, гитлеровские минометчики и артиллерийские батареи довольно метко обстреливали все вокруг. Поэтому каждый понимал, что надо как можно скорее выбить фашистов с противоположной стороны реки.

Сырой ветер тревожно гудел в пожелтевшей листве. Холодные волны с шумом ударялись о берег. Могучий Днепр, словно живой, стонал от непомерной тяжести перенесенного людьми горя и страдания.

А противник угрожающе молчал.

Я подошел к группе бойцов, укryвшихся в ячейках за невысоким, случайно спасшимся от огня, лозняком. Поздоровался и выразил желание присесть. Пожилой боец с черными, свисавшими тяжелой подковой усами, подвинулся, освобождая мне место.

— По радио наше направление объявили, — услышал я. — По командирской рации передавали. Так и сказали: «Киевское направление...»

— Хорошая примета, — отозвался его сосед. — Я так думаю, Семенов, скоро придется бежать фашистам из Киева.

— Не кажи гоп, пока не перескочишь! — строго, но беззлобно остановил его пожилой боец и, подкрутив, черные усы, с лукавинкой, исподлобья посмотрел на сидящих вокруг солдат. — Все же Днепр — это тебе не Битюг, где я родился. Вот так-то. Днепр после Волги — вторая очень серьезная водная преграда на нашем пути. Это надо понять и учесть.

Наверное, каждому подумалось сейчас, что переплыть Днепр — это еще не все, это полдела, а то и меньше того. Но как забраться на недоступную, темно-рыжую, намытую дождями днепровскую кручу? Ведь противник будет поливать оттуда горячим свинцом. Поди возьми его, недоступного, там, наверху, откуда он всех видит. К тому же у

него надежно заранее подготовлены оборонительные позиции, пристрелены цели, расставлены наблюдатели, обеспечена связь, установлены соответствующие сигналы. А мы только с марша. У нас многого еще нет. А надо взять эту кручу во что бы то ни стало! Надо выкурить врага, как выкуривают из берлоги расщипавшего медведя.

Перед тем, как пуститься в путь, состоялось построение роты и командир батальона взволнованно сказал:

— Дорогие товарищи! Друзья! Перед нами — Днепр. Кто хочет первым переплыть его, отвлечь на себя огонь гитлеровцев, чтобы обеспечить переправу батальона?

Рота гвардейцев сделала шаг вперед. Но раньше других — на мгновение — сделали это четыре комсомольца — гвардии рядовые Иван Семенов, Николай Петухов, Василий Сысолятин и Василий Иванов.

— Разрешите...

— Прошу еще раз подумать: дело ответственное, рискованное. Там — смерть. — Он указал рукой на темную кручу над Днепром. Но там и победа, другого пути у нас нет.- Разрешите...

Старшим группы был назначен Иван Семенов. Пока гвардейцы занимались подготовкой к переправе, я подошел к командиру батальона и попросил разрешения отправиться вместе с передовой группой. Старший лейтенант улыбнулся и полусуто тихо сказал:

— Там еще не о чем писать. Да и не с кем будет переслать статью в газету... Потерпите малость. Пойдем вместе.

Но я настоял на своем: мне надо было видеть все, чтобы «с натуры» как можно точнее описать действия первой группы.

Рано утром, когда над водой еще дымил туман, мы, то есть четверо рзведчиков и я, на утлой рыбацкой лодчонке отчалили от левого берега. Как только добрались до середины реки, враг открыл огонь. Вода вокруг как бы закипела, и наша лодка запрыгала, словно спичечный коробок. Вот тут-то я вспомнил, что не умею плавать. По спине побежали мурашки. Не потому только, что утрашился смерти: за время войны мы с этой мыслью в какой-то степени свыклись. Обидно было погибать без толку, пассивно, без выстрела, без боя, не причинив врагу никакого ущерба. Стиснув зубы, еще злее стал нажимать на весла. К счастью, спереди показался островок, заросший кустарником, который прикрыл нас, а потом мы вошли в «мертвое» пространство: фонтаны взрывов остались позади. Вскоре под лодкой послышалось шуршание песка. Еще минута — и мы у подножья отвесной скалы. Что делать? Вдруг зычный голос-скомандовал:

— Становись на мои плечи и айда — наверх!

Мы все моментально воспользовались услугами своего смекалистого товарища и один за другим забрались на вершину обрыва.

Завязался бой. Неравный, жестокий. Тем временем подходили другие лодки и плоты, а мы постепенно, шаг за шагом, углублялись в расположение противника. В первое время мне, как и всем, пришлось действовать, конечно, не карандашом, а автоматом. Но такова уж миссия газетчика: как бы ни складывались обстоятельства вокруг тебя во время сбора материала, помни: в редакции ждут твою корреспонденцию с переднего края. А в данном случае — тем более: сообщений о первых героях переправы через Днепр ждал весь фронт, вся страна. Днепр решал судьбу нашего дальнейшего наступления.

Почти трое суток подряд не выходил я из боя, действуя автоматом и гранатами. Только в конце третьего дня получил возможность отползти назад, найти удобное местечко около разбитой хаты, занести в блокнот фамилии тех разведчиков, в лодке с которыми я переправлялся и с которыми — в прямом смысле плечом к плечу — находился в почти непрерывном трехдневном бою. Потом вдруг резанула мысль: а как же мне выбраться из этой кутерьмы? Как доставить материалы в газету? Ведь все двигалось на западный берег, а мне нужно на восточный...

Паром, конечно, еще не работал, радиосвязи не было. Значит, снова переправляться через реку самому под почти непрерывной бомбежкой «юнкеров» и фланговым огнем вражеских пулеметов.

Первую попытку перебраться на левый берег Днепра мы предприняли с Сергеем Орловым, связным командира батальона. Среди своих сослуживцев он выделялся большой физической силой и выносливостью. До войны, по его рассказу, он занимался спортом и легко на турнике «крутил солнце».

— Ну как, переберемся? — спросил я Орлова, садясь в лодку.

— Это мы запросто, — храбро ответил Сергей, не задумываясь об опасности.

Вначале действительно все шло хорошо. Мы бесшумно и быстро удалились от берега. Справа и слева от нас падали снаряды, поднимая водяные фонтаны. Чувствовалось, что противник вел огонь просто по реке, или, как говорят артиллеристы, бил по площадям. Однако стоило нам только выплыть на середину реки, как вдруг где-то сзади гулко заработал вражеский пулемет. Пули со свистом проносились совсем близко от нас, несколько впереди, пунктиром очерчивая

линию своего соприкосновения с водой. Мы не успели придержать лодку, как оказались в зоне огня. Гитлеровцы дали новую длинную очередь. Издав слабый стон, Орлов выронил из рук весла. Голова его как-то неестественно склонилась на плечо, и он тихо повалился на правый борт лодки, которая вдруг резко развернулась и поплыла вниз по течению. Я обеими руками с силой нажимал на правое весло, чтобы скорее выйти из-под огня. К счастью, в этот момент с нами поравнялась другая лодка. Товарищи помогли перетащить Орлова в свою лодку, а нашу, пробитую пулями, взяли на буксир. Поневоле пришлось вернуться обратно. Вторая и третья попытки переплыть Днепр также не увенчались успехом.

С наступлением темноты мы снова отправились в путь. На этот раз он проходил несколько севернее. Фланговый пулемет врага нам уже не угрожал. Теперь донимали минометчики. Освещая реку ракетами, враг довольно точно бросал мины. Мы продолжали плыть: другого выхода не было. Сидевшие на веслах бойцы, которых я никогда не видел раньше и не встречал позже, старались изо всех сил. Они знали, что переправляют корреспондента, которому во что бы то ни стало нужно добраться до левого берега и доставить материал в газету.

Короче, несмотря на все перипетии, редакция получила-таки ожидаемый материал...

Тут мне удобнее предоставить слово члену Военного совета фронта генерал-полковнику К. Крайнюкову, который о тех боях так написал в своей книге воспоминаний «От Днепра до Вислы»: «На нашем фронте первыми форсировали Днепр разведчики мотострелкового батальона 51-й гвардейской танковой бригады, которой командовал Герой Советского Союза гвардии подполковник М. С. Новохатько. С первым десантом, под огнем врага, переправился и корреспондент фронтовой газеты капитан С.М. Борзунов. В своем репортаже он ярко и правдиво рассказал о подвиге гвардейцев-комсомольцев В.Н. Иванова, И.А. Семенова, Н.Е. Петухова и В.А. Сысолятина, ворвавшихся в районе Григоровки на правый берег Днепра и положивших начало основанию Букринского плацдарма».

Все четверо названных разведчиков были удостоены звания Героя Советского Союза. Корреспондент же, то есть я, получил письменную благодарность от главного редактора в приказе, вывешенном на доске объявлений редакции. Кстати сказать, по утверждению старожилов нашей газеты, это был первый случай, когда на фронте в форме приказа оценивалась профессиональная работа корреспондента «За честь Родины». О представлении же меня к званию Героя Советского Союза я узнал много

позже, после войны, от бывшего работника главного управления кадров Министерства обороны СССР полковника В. И. Стрельцова, который потом возглавил отдел кадров Воениздата, где некоторое время работал и я. Представление написано бывшим редактором газеты «За честь Родины» полковником запаса С.И. Жуковым, сменившим в конце сентября 1943 года полковника Л.И. Троскунова. Далее сказано: «Изложенное в Представлении тов. Жукова С.И. подтверждаем и поддерживаем: бывший начальник политуправления 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант С. Шатилов и бывший член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковник К. Крайнюков». И оба поставили свои подписи.

Представление начиналось с воспоминания о том, что «На основе Директивы Ставки Верховного Главнокомандования, направленной 9 сентября 1943 г. Военным советом фронтов и армий, возбуждаю перед Президиумом Верховного Совета СССР ходатайство о присвоении Борзунову Семену Михайловичу звания Героя Советского Союза...»

Уходя в отставку, кадровик этот передал мне на память ксерокопию этого «представления», где, в частности, сказано: «Небольшая группа, во главе которой фактически встал офицер-журналист, действуя смело и решительно, под огнем врага переправилась через реку, закрепилась на ее правом берегу и обеспечила переправу мотострелков. Трое суток тов. Борзунов вместе с гвардейцами отбивал многочисленные контратаки гитлеровцев (стрелял из автомата, действовал гранатами, ходил в штыковую) и лишь на четвертый день, когда бой немного утих, получал возможность заняться своими корреспондентскими обязанностями...»

Меня часто спрашивали, почему не умеющий плавать корреспондент, не думая о последствиях, несмотря на совет комбата старшего лейтенанта Пищулина воздержаться, по существу самовольно втиснулся в лодку и вместе с разведчиками отправился на правый, еще занятый врагом берег?

Ответ простой: я и в мыслях не мог отделять себя от солдат, выполняющих боевой приказ, так как сам совсем недавно был солдатом. К тому же профессиональный долг обязывал меня во всех деталях подробно описать исторический момент форсирования крупной реки и захват правобережного плацдарма. Словом, и на этот раз все надо было увидеть своими глазами: таков закон настоящего журналиста вообще, а фронтового — тем более. Я ведь с первого дня войны по существу не выходил из состояния боя.

Спрашивают и о том, почему заслуженная в боях награда обошла меня стороной? Этот вопрос надлежало бы задать тем, кто держал в руках «Наградной лист» и решал: давать или не давать? Но тех людей, наверное, уже нет. Я же могу лишь назвать некоторые органы печати, в которых подробно рассказывалось о том, что вместе с четырьмя разведчиками в одной рыбацкой лодке мне довелось форсировать 22 сентября 1943 г. Днепр, отвоевывать Букринский плацдарм и сообщить об этом во фронтовой газете. Вот некоторые из этих изданий: сборник «Советская военная печать» (Воениздат, 1960), «Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма» (изд-во «Мысль» 1966), однотомник «Летописцы победы» (Политиздат, 1984). Наконец, однотомник энциклопедии «Великая Отечественная война 1941-1945» (изд-во «Советская энциклопедия», 1985), а также ряд авторских книг: Н.Г. Нерсисян. «Киевско-Берлинский» (1974).; Л. Решетникова «Встречи» (Новосибирск, 1986); Н. Гамова. «Разведчики» (Воронеж, 1985); А. Александрова. «Тропинка» (М., 1999); Ф. Царева. «На крутых поворотах» (М., 2002); А. Свиридова. «Путешествие к человеку» (Воронеж, 2002) и др.

Назову некоторые газеты: «Правда», «Красная звезда», «Сельская жизнь», «Ветеран», «Комсомольская правда», «Патриот», «Красный воин», воронежские «Коммуна» и «Молодой коммунар», «Аннинские вести». Об этом факте фронтовой действительности говорилось во многих статьях таких авторов, как Михаил Алексеев, Иван Стаднюк, Анатолий Иванов, Юрий Жуков, Николай Кононыхин, Александр Верхолетов, Юрий Грибов, Владимир Евтушенко, Николай Васильев.

Что касается журналов, то помимо «Романа-газеты» № 12 за 1997 г., сошлюсь еще на два. В «Ветеране войны» (№ 2 за 1995) главный редактор В. Нагорный, приведя выдержки из нового, повторного «Наградного листа», заполненного в 30-ю годовщину начала Великой Отечественной войны и посланного по инстанциям, в статье «Восторжествует ли справедливость» писал: «Было это в марте-апреле 1971 г. Однако и тогда где-то вновь увязло представление к званию Героя. Трудно сказать, в чем же тут причина, почему истинный подвиг офицера, проявленный в жестоком бою, был отмечен лишь благодарностью редактора газеты. Говорят, в связи с распадом бывшей нашей державы звание Героя Советского Союза теперь не присваивается. Но ведь и в новой стране существует высшее отличие — Герой России. Золотой Звездой отмечаются ныне не только за совершенные подвиги в наши дни, но и за мужество на полях сражений Великой Отечествен-

ной. Так восторжествует ли справедливость в отношении верного солдата, внесшего свой достойный вклад в Победу?»

А вот что просил у Президента В. Путина известный в стране авторитетный, основанный в 1920 г., журнал «Журналист» (№5 — 2000) в редакционном послесловии:

«ОТ РЕДАКЦИИ. Этот наградной лист был составлен, подписан и направлен по инстанции в апреле 1971 г, бывшим ответственным редактором газеты «За честь Родины» С. Жуковым, бывшим начальником, политуправления 1-го Украинского фронта генерал-лейтенантом С. Шатиловым, бывшим членом Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковником К. Крайнюковым. И все же награда тогда так и не обрела своего героя. А теперь и вовсе такого звания нет, как нет Советского Союза. Из этого, однако, не следует, что не было и подвига Борзунова. Был. И он должен быть оценен. Еще не поздно. Редакция журнала «Журналист» обращается к Президенту РФ В.В. Путину и просит рассмотреть запылившееся где-то в канцелярских архивах представление полковника запаса, прошедшего всю войну Борзунова С.М. к заслуженной награде». Думается, что здесь комментарии не требуются.

И РАСПИСАЛСЯ НА РЕЙХСТАГЕ

На фронте каждый делал свое дело, точнее, выполнял то, что было приказано. Добросовестно, не жалея и пренебрегая опасностями, делал свое журналистское дело и я — специальный корреспондент ежедневной фронтовой газеты «За честь Родины», которую издавало командование 1-го Украинского фронта.

...После форсирования Днепра мне довелось вместе с передовыми частями принимать участие в боях за Киев. 6 ноября 1943 г. столица Советской Украины была освобождена от немецкой оккупации, и в тот же день в дымящем от пожаров городе появились заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков и командующий фронтом генерал Н. Ф. Ватутин. Мне посчастливилось присутствовать при их разговоре с благодарными киевлянами. Эти беседы, как и встречи с героями боев, я описал в своей статье «В боях за Киев», которая была напечатана 8 ноября в газете.

Вслед за ней в той же газете «За честь Родины» была опубликована большая статья об освобождении крупного города Житомира. Затем вместе с передовыми частями входил в города и селения, которые с горечью оставлял врагу в июне-августе 1941 г. И таких людей, как я, было немало:

все мы, возвратившиеся на рубежи минувших боев 1941 г., испытывали трепетное чувство освобождения от фашистской оккупации. Это радостное настроение советских людей я передал в очерке «К западным границам Родины», напечатанном 11 апреля 1944 г.

Потом были не менее легкие бои за освобождение Польши, о которых также приходилось оперативно сообщать на страницах нашей газеты. При отсутствии у корреспондента своего транспорта это нелегко было делать.

В Берлин я входил с западной стороны в роли десантника на одном из танков 53-й танковой бригады дважды Героя Советского Союза полковника В. С. Архипова. Вместе с танкистами испытал все тяжести и опасности боев на улицах вражеской столицы, которая зверски ошетибилась и стреляла из каждого здания, превращенного в каменную крепость. Уже после войны я подробно описал все это в документальной повести «Так кончаются войны» (2000 г.) и в романе «Маршал Конев» (2001 г.). А тогда верхом счастья каждого участника боев за Берлин было желание во что бы то ни стало пробиться к сердцу вражеской столицы — Рейхстагу и оставить на его черных от дыма колоннах свой автограф.

Такое счастье испытал и я. Оно, это мое состояние, было усилено тем, что, находясь в пылающем Берлине, я получил телеграмму редактора газеты полковника С. И. Жукова, поздравившего меня с награждением орденом Красного Знамени. Сразу же после войны я получил его из рук командующего фронтом маршала И. С. Конева. А еще позже кадровики вручили мне копию наградного листа. В нем отмечалось:

«Майор Борзунов С.М. с первых дней организации газеты «За честь Родины» работает в частях Воронежского, а затем 1-го Украинского фронта в качестве корреспондента — организатора. Он непрерывно находится в действующих частях, организуя боевые, оперативные материалы с передовой линии.

Во всех решающих боях частей фронта: в зимнем наступлении 1943 г., в весеннем и летнем наступлении 1944 г., а также в последних наступательных боях 1945 г. тов. Борзунов неизменно находится с передовыми частями.

В боях за Днепр и Киев он одним из первых форсировал реку, перебрался на захваченный правобережный плацдарм и там, под огнем врага, организовал оперативную информацию от четырех комсомольцев — героев днепровской битвы.

При взятии Житомира, Львова, Сандомира и других крупных узлов сопротивления противника тов. Борзунов одним из первых среди

корреспондентов входил в освобожденные города, обеспечивая газету оперативной информацией.

В последнем наступлении частей фронта 1945 г. все время находится в действующих частях армии Рыбалко, продвигается с передовыми отрядами, одним из первых перешел границу фашистской Германии, обеспечил газету боевой, оперативной информацией.

Военно-грамотный журналист, тов. Борзунов неоднократно публиковал в газете высококвалифицированные военные статьи.

Организуя материалы на передовой линии под огнем врага, он показал себя как бесстрашный советский журналист.

Майор Борзунов С. М. достоин награждения орденом Красного Знамени.

Ответственный редактор фронтовой газеты «За честь Родины» полковник С. Жуков.

Заключение вышестоящих начальников:

Достоин награждения орденом Красного Знамени. Начальник политуправления 1 УФ гв. генерал-майор Ящечкин. 4 марта 1945 г».

Такова была оценка моей боевой работы на фронте как корреспондента газеты. Мне остается сообщить, что вместе с танкистами той же 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко я участвовал (опять же в роли десантника на броне) в историческом, очень сложном броске с Берлина на Прагу через высокие и крутые Рудные горы. Оттуда 9 мая я послал в редакцию телеграмму об освобождении столицы дружеской Чехословакии. Это было мое последнее сообщение с фронтов Великой Отечественной войны.

После войны служил в Центральной группе Советских войск в Австрии. В 1947-1951 гг. учился в Военно-политической академии (ныне — Военный университет). Около 7 лет возглавлял военно-политический журнал «Блокнот агитатора» («Агитатор армии и флота»). С 1959 по 1979 гг. исполнял обязанности главного редактора редакции художественной литературы, а затем — зам. главного редактора Военного издательства Министерства обороны СССР. В 1979 г. в звании полковника ушел в отставку, два года работал в литературно-художественном журнале «Знамя», а с 1981 до 1989 г. — заместителем главного редактора «Роман-газеты», где и поныне состою в редколлегии.

Член Союза писателей с 1973 г. Избирался секретарем Правления Московской организации писателей и дважды председателем ревизионной комиссии СП РСФСР, а также делегатом ряда писательских съездов России и СССР.

В разные годы написал и издал более 20 книг, в основном о подвигах, совершенных в годы Великой Отечественной войны. В 1988 г. в издательстве «Художественная литература» был выпущен мой однотомник «Избранное». В 2000 — документальная повесть «Так кончаются войны», а в 2001 г. — роман «Маршал Конев».

За литературные успехи в 1979 г. получил орден Знак Почета, а также был удостоен литературных премий имени А. Фадеева, Д. Фурманова, К. Симонова, В. Пикуля и премии Министерства обороны СССР. В 1969 г. было присвоено почетное звание Заслуженный работник культуры РСФСР. Имею ряд других премий и конкурсных дипломов, полученных от творческих Союзов журналистов и писателей.

Принимаю участие в выпуске многотомных изданий «Живая память», «Солдаты XX века» и в других коллективных сборниках. Являюсь членом Комитета памяти Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и руководителем пресс-группы межрегионального общественного фонда «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны».

Собственные литературные публикации:

— «Берег левый, берег правый». Воспоминания. — М., 1966.

— «Ради нескольких строчек». Документальная повесть. — М., 1969.

— «На линии огня». Повести, рассказы, очерки. — М., 1972, 1977;

— «С пером и автоматом». Повести. Сборник. — М., 1977.

— «Подвиг, отлитый в строки. Три повести. — М. 1974.

— «Всего одна жизнь». О дважды Герое Советского Союза Головачеве. — М., 1976;

— «Знамя над городом». О боях за г. Тихвин. — М., 1984.

— «У родного порога». Повесть. — Воронеж, 1986.

— «Города-герои». Издание на иностранных языках. — 1983;

— «Все его сыновья». О Великой Отечественной войне. Роман. —

». Однотомник. — М., 1988.

«Конев». Роман. — М., 2001

3 книги.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Коноплева Елена Васильевна**, студентка 1-го курса Профессионального училища №5 г. Москвы